

18+

Даяна Дегтярик

Город семи округов

История одной верности

Даяна Дегтярик
Город семи округов.
История одной верности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73480803

ISBN 9785006940987

Аннотация

Геенна – город, разделённый на семь округов, каждый из которых воплощает один из смертных грехов. Здесь память продают на бирже, чувства объявлены болезнью, а любовь – самое опасное преступление. Иванка, простая девушка из серого Уныния, и Дэниел, сын Правителя, бросают вызов системе. Их история – это путь через семь кругов ада, где единственным компасом становится бабушкин шифр: «Любовь никогда не перестаёт». Смогут ли они найти друг друга, когда за ними охотится весь город?

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ: УНЫНИЕ	5
Часть первая: Серая лента дней	6
Глава 1	6
— — Глава 2	11
— — Глава 3	15
— — Глава 4	20
— — Глава 5	26
— — Глава 6	29
КНИГА ПЕРВАЯ: УНЫНИЕ	31
Часть первая: Серая лента дней	32
— — Глава 7	32
— — Глава 8	35
— — Глава 9	38
— — Глава 10	41
— — Глава 11	43
— — Глава 12	44
— — Глава 13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Город семи округов История одной верности

Даяна Дегтярик

© Даяна Дегтярик, 2026

ISBN 978-5-0069-4098-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ: УНЫНИЕ

Часть первая: Серая лента дней

Глава 1

Девушка на подоконнике

Геенна, округ Уныния, пять лет назад

В то утро я проснулась от того, что замерзла.

Обычно в нашей комнате было холодно всегда – отопление в Унынии включали только когда температура опускалась ниже нуля, а батареи грели ровно настолько, чтобы не замёрзнуть насмерть. Но в это утро холод был особенным: он пробрался под одеяло, заполз под рубашку и разбудил меня ровно в тот момент, когда солнце (вернее, его бледное подобие под куполом) начало подсвечивать шторы.

Я полежала ещё немного, глядя в потолок. На нём было пятно – соседи сверху топили, и вода протекла к нам. Бабушка ругалась, ходила к ним, но они только разводили руками: «Что мы можем сделать? Это же Уныние, тут всё течёт».

Бабушка умерла полгода назад, а пятно осталось. Я смотрю

рела на него каждый день и вспоминала, как она стояла на табуретке, пыталась замазать, а я держала её за ноги, чтобы не упала.

– Иванка, – говорила она, – ты держи крепче. А то упаду – кто тебя тогда кормить будет?

– Вы не упадёте, бабушка.

– Всякое бывает. Вон, дед твой упал – и нет его.

Дед умер до моего рождения. Бабушка редко о нём говорила, но когда говорила – в глазах появлялся свет. Она его любила. Я это чувствовала даже в её молчании.

Я села на кровати, потянулась. Комната наша была маленькой: кровать, на которой мы спали вдвоём до её смерти, стол, два стула, старый шкаф и сундук в углу. В сундуке лежали её сокровища: фотографии, книги, вышитое полотенце. Всё запрещённое, всё, за что могли отправить на перевоспитание.

Я встала, натянула кофту (единственную тёплую, с дырой на локте) и подошла к окну.

Наш дом стоял на окраине Уныния, у самой границы

с Чревоугодием. Из окна четвёртого этажа было видно, как меняется город: слева – серые коробки нашего округа, справа – разноцветные огни, вывески, дым из труб. Там люди ели, пили, веселились. Там забывали.

А здесь – просто жили. Терпели.

Я любила сидеть на подоконнике. Бабушка ругалась: «Простынешь, простудишься, заболеешь». А я всё равно садилась. Свешивала ноги вниз, смотрела на прохожих и придумывала им жизни.

Вот идёт женщина в сером пальто, несёт сумку с продуктами. Наверное, возвращается с работы, дома ждут дети. Может, она их любит, может, нет. Может, она вообще не знает, что такое любовь – здесь многие не знают.

Вот мужчина в чёрной форме. «Очиститель» из Гнева. Они ходили по домам, забирали людей, стирали память. От них шарахались даже те, кто ничего не боялся.

Этот был высокий, светловолосый, с курчавой шевелюрой, которая выбивалась из-под фуражки. Шёл быстро, не глядя по сторонам. Люди расступались перед ним, как вода перед кораблём.

Я смотрела на него и думала: «Интересно, он тоже зверь? Или просто работа такая?»

Он вдруг остановился.

Поднял голову.

И посмотрел прямо на меня.

У меня сердце остановилось на секунду, а потом забилось так, что, наверное, было слышно во всём доме.

Зелёные глаза. Даже с четвёртого этажа я увидела – зелёные. Холодные, как у волка. Но что-то в них было... не злое. Просто очень усталое.

Он смотрел несколько секунд. Потом отвернулся и пошёл дальше.

А я так и осталась сидеть, прилипнув к стеклу.

– Дура, – сказала я себе. – Он палач. Он враг. Что ты на него уставилась?

Но сердце не слушалось.

Я слезла с подоконника, закрыла окно, задвинула штору. В комнате стало темно.

– Бабушка, – шепнула я в пустоту. – Что со мной?

Она не ответила.

Я подошла к сундуку, откинула крышку, достала иконку из-под старых тряпок. Маленькая, потёртая, с ликом Богородицы. Бабушка говорила: «Она всё видит, внучка. И заступница наша».

Я смотрела на икону и чувствовала, как тепло разливается в груди.

– Богородице Дево, радуйся, – шептала я. – Благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего...

Я не знала, зачем молюсь. Просто бабушка так делала, и мне становилось легче.

Потом спрятала иконку обратно, легла на кровать и долго смотрела в потолок, на то самое пятно.

Зелёные глаза не уходили из головы.

— — Глава 2

Сын Правителя

Геенна, округ Гнев, пять лет назад

Я возвращался с задания.

Обычная чистка. Старуха в Унынии, у которой нашли иконку. Кто-то донёс, конечно. В Унынии доносят часто — за это дают дополнительные пайки или перевод в лучший район.

Мы вошли утром. Старуха жила одна, в такой же серой комнате, как тысячи других. Она сидела за столом, пила чай. Увидев нас, даже не испугалась. Только вздохнула.

— Опять, — сказала она. — Сколько можно?

Начальник шагнул вперёд, сорвал иконку со стены. Она была маленькая, бумажная, потрёпанная.

— Где ещё? — спросил он.

— Больше нет.

– Обыскать.

Мы обыскали. Ничего не нашли. Начальник составил протокол, велел старухе расписаться. Она расписалась, не глядя.

– Иконку изымаем, – сказал начальник. – Вам – предупреждение. В следующий раз отправим на перевоспитание.

– Спасибо, что не сегодня, – усмехнулась старуха.

Я смотрел на неё и думал: «Почему она не плачет? Обычно все плачут». А она смотрела на меня своими выцветшими глазами и будто видела насквозь.

– Ты, парень, – сказала она вдруг. – У тебя глаза добрые. Хоть и форму носишь.

Я опешил. Никто никогда не называл мои глаза добрыми.

– Иди с миром, – добавила она. – И не греши.

Мы вышли.

В гравитаре я сидел у окна и смотрел на серые улицы. Уныние. Самое дно. Сюда ссылали тех, кто не выдержал очи-

щения, кто сломался, кто перестал сопротивляться. И тех, кто с самого начала был никем.

Я сам был из Гордыни. Сын Правителя. Но выбрал Гнев. Потому что там можно было не думать. Просто выполнять приказы, бить, чистить, забывать.

Отец был разочарован, когда я ушёл из Гордыни. Он хотел, чтобы я остался рядом, учился управлять, готовился занять его место. Но я не мог смотреть на эти зеркала, на эти пустые лица, на эту власть, которая ничего не значила.

В Гневе всё было честно. Боль, кровь, страх. Я знал, кто я там. Я был палачом.

Гравитарь проезжал мимо длинного серого здания. Общезитие. На подоконнике четвёртого этажа сидела девушка.

Тёмные волосы до лопаток, светлая кожа, большие глаза. Она смотрела на город и о чём-то думала. Потом перевела взгляд вниз и увидела меня.

Я остановился сам в себе.

Внутри что-то ёкнуло. Глупость, конечно. Я видел сотни девушек. Красивых, некрасивых, покорных, испуганных.

Но эта смотрела не как другие. Не с ужасом, не с ненавистью, не с покорностью. Она просто смотрела. Будто спрашивала: «Ты кто?»

Я не знал, кто я.

Мы встретились глазами на несколько секунд. Потом она отвернулась, закрыла окно, задвинула штору.

А я всю дорогу до казарм видел перед собой её лицо.

В казармах я лёг на койку и долго смотрел в потолок. Товарищи по отряду что-то обсуждали, смеялись, пили дешёвое пойло из Чревоугодия. Я их не слышал.

Я думал о ней.

На следующий день я нашёл её в отчётах. Общежитие 47, комната 14. Иванка, девятнадцать лет, сирота (бабушка умерла полгода назад), работает в архиве. Никаких приводов, никаких связей с подпольем. Чистая.

Слишком чистая для этого города.

Я вырвал страницу из отчёта и сжёг. Не знаю зачем.

— — Глава 3

Архивная пыль

Геенна, округ Уныния, городской архив, четыре с половиной года назад

Архив находился в старом здании на окраине Уныния. Раньше здесь была школа, потом её закрыли – детей в округе становилось всё меньше, рожать было невыгодно. А здание отдали под хранение бумаг.

Я любила здесь работать. В архиве пахло старыми документами, типографской краской, пылью и временем. Бабушка говорила, что книги пахнут душой. Я не знаю, есть ли душа у отчётов об изъятиях, но запах у них был особенный.

В то утро я сидела за своим столом и раскладывала новые дела. Работа была скучная, монотонная, но я привыкла. Сортировать, ставить штампы, подшивать. Не думать о том, чьи это жизни.

Вдруг дверь открылась.

Он вошёл.

Форма «очистителя», фуражка в руках, светлые кудри взлохмачены. Он оглядел зал, увидел меня и направился прямо к моему столу.

У меня сердце упало куда-то в живот. Ладони вспотели. Я надеялась, что это незаметно.

– Здравствуйте, – сказал он. Голос низкий, спокойный. – Мне нужен доступ к старым делам. Запрещённые тексты, изъятия, адреса.

Я смотрела на него и не могла сказать ни слова. Ближе он был ещё красивее, чем издали. Зелёные глаза, тёмные ресницы, резкие скулы. И эта курчавая светлая шевелюра, в которую хотелось запустить пальцы.

– Девушка? – он наклонил голову. – Вы меня слышите?

– Да, – выдохнула я. – Да, конечно. Проходите. Я помогу.

Он кивнул и пошёл за мной в хранилище.

Я чувствовала его спиной. Чувствовала каждый шаг, каждое дыхание. Мы вошли в узкий проход между стеллажами, и я остановилась.

– Вот здесь дела по изъятиям. За последние десять лет. Что именно вас интересует?

– Староверы, – сказал он. – Семьи, где хранили запрещённые тексты. Особенно те, где были пожилые люди.

Я замерла.

Бабушка. Её дело было здесь. Я сама его обрабатывала месяц назад.

– Я... я помогу найти, – сказала я дрогнувшим голосом. – Подождите минуту.

Я отошла к другому стеллажу, делая вид, что ищу. На самом деле мне нужно было перевести дух. Прислонилась лбом к холодным металлическим полкам, закрыла глаза.

«Спокойно, Иванка. Он просто клиент. Просто очередной очиститель. Не думай о его глазах».

Он стоял и ждал. Смотрел на корешки дел, на пыльные папки, на тусклый свет ламп. Потом вдруг сказал:

– Я видел вас раньше.

Я обернулась.

– На подоконнике. Месяц назад. Вы сидели и смотрели на город.

Я покраснела. Дурацкая привычка – краснеть при любом волнении.

– Да, – сказала я. – Я там часто сижу.

– Почему?

– Смотрю на людей. Думаю о них.

– О чём?

Я пожала плечами.

– О том, кто они. О чём мечтают. Боятся ли. Любят ли кого-нибудь.

Он долго смотрел на меня. Потом сказал:

– Странная у вас работа. Думать о людях.

– А у вас?

Он усмехнулся. Впервые за всё время – усмехнулся. И лицо его сразу стало другим – моложе, теплее, человечнее.

– У меня работа – не думать.

Я не знала, что ответить. Мы стояли в узком проходе между стеллажами, и вдруг я поняла, что он совсем не страшный. Не зверь. Просто усталый, очень усталый человек с зелёными глазами.

– Вот, – сказала я, протягивая ему первую папку. – Здесь дела по староверам. Если нужна будет помощь – я здесь работаю каждый день.

Он взял папку. Наши пальцы почти соприкоснулись. У него были тёплые руки.

– Спасибо, – сказал он. – Меня Дэниел зовут.

– Иванка, – ответила я.

И мы оба почему-то улыбнулись.

— — Глава 4

Чай с мятой

Четыре года назад

Он стал приходить часто.

Сначала раз в неделю, потом два, потом почти каждый день. Говорил, что нужно проверить новые дела, найти связи, составить отчёт. Но я видела, как он смотрит на меня. И, кажется, он видел, как я смотрю на него.

Мы сидели в читальном зале архива – маленькой комнате с высокими окнами, выходящими на серую улицу. Я заваривала чай в своей термозакружке (единственной, что у меня была), а он приносил свою. Я заметила, что он почти не пьёт, просто греет руки.

В Унынии всегда было холодно. Экономили на отоплении, и температура в помещении редко поднималась выше пятнадцати градусов. Люди ходили в куртках, не снимая. А я привыкла.

– Ты что туда кладёшь? – спросил он однажды, прихлёбы-

вая из кружки.

– Мяту. Бабушка сушила. У неё на подоконнике росла.

– Где она сейчас?

– Умерла. Полгода назад.

Он помолчал.

– Прости.

– За что? Ты же не виноват.

– За то, что спросил.

Я улыбнулась.

– Ничего. Мне даже приятно. Кто-то спрашивает о ней, значит, она не совсем ушла.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

– Ты странная, Иванка.

– Ты уже говорил.

– Я серьёзно. В этом городе все только и делают, что забывают. А ты помнишь.

– Бабушка говорила: «Пока о тебе помнят, ты жив».

Он кивнул и отвернулся к окну. За стеклом моросил мелкий дождь – обычная погода для Уныния.

– А ты? – спросила я. – Кого ты помнишь?

Он долго молчал. Я уже думала, что не ответит.

– Мать, – сказал наконец. – Она умерла, когда мне было десять. Отец приказал убрать все её фотографии, все вещи. Как будто её не было.

– И ты послушался?

– А что мне оставалось? Мне десять лет, я один, отец – Правитель. Если он сказал «забудь», значит, надо забыть.

– Но ты не забыл.

Он посмотрел на меня. В зелёных глазах – боль и удивление.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что ты здесь. Потому что ты пьёшь чай с мятой и смотришь на дождь. Тот, кто забыл, не стал бы так смотреть.

Он усмехнулся.

– Ты опасная, Иванка.

– Почему?

– Потому что видишь то, что другие не видят.

Я пожала плечами.

– Может, просто никто не смотрит.

Мы замолчали. Дождь за окном усилился, барабанил по стеклу. В читальном зале было тепло и уютно, как в маленьком убежище.

– Расскажи о ней, – попросила я. – О маме.

Он покачал головой.

– Трудно.

– Тогда не рассказывай. Но если захочешь – я послушаю.

Он долго смотрел на меня. Потом вдруг начал говорить.

– Она пахла хлебом. Не знаю почему. Может, потому что любила печь. У неё были светлые волосы, как у меня, только длинные. Она заплетала их в косу и укладывала вокруг головы. Я маленький любил трогать эту косу, когда она меня обнимала.

Я слушала, боясь дышать.

– Она умерла от болезни. В Геенне нет лекарств от болезней, только от памяти. Она лежала и таяла на глазах. А отец даже не приходил. Он был занят. Всегда занят.

– Ты злишься на него?

– Ненавижу.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое, как камень.

– Прости, – сказал он. – Я не должен был...

– Ничего, – перебила я. – Здесь можно говорить всё. Я никому не скажу.

Он взял мою руку. Просто так, легонько, пальцами коснулся запястья.

– Спасибо, Иванка.

– За что?

– За то, что ты есть.

Я покраснела. Сердце забило быстрее.

– Ты тоже, – сказала я. – Ты тоже есть.

— — Глава 5

Бабушкин сундук

Четыре года назад, неделей позже

В тот день я перебирала бабушкины вещи.

Прошёл год после её смерти, а я всё никак не могла разобрать сундук. Всё откладывала. Слишком больно.

Но в тот день мне приснился сон. Бабушка стояла в белом платье – в жизни она никогда не носила белое – и протягивала мне руку. В руке была бумажка с буквами.

– Внучка, – сказала она. – Не забывай. Это самое главное.

Я проснулась в слезах и полезла в сундук.

Он стоял в углу, старый, разохшийся, накрытый тряпкой. Я сняла тряпку, открыла крышку. Сверху лежало бабушкино вышитое полотенце – свадебное, говорила она, хотя замуж выходила тайно, без благословения округов. Я помню, как она показывала мне вышивку и рассказывала, что каждый узор что-то значит: птицы – это души, цветы – это любовь,

крестики – это защита.

Под полотенцем – фотографии. Дед в военной форме (довоенной, ещё до Основания), бабушка молодая с косой, их свадьба, мама маленькая. Мама умерла, когда я родилась. Бабушка говорила, что я на неё похожа. Я всматривалась в чёрно-белое лицо на снимке – те же тёмные волосы, тот же разрез глаз. Может быть.

Всё это было запрещённым. За хранение фотографий могли отправить на перевоспитание в Гнев. За иконы – в Уныние, в специальный лагерь. Но бабушка прятала.

Ещё ниже – книги. Старые, в потрёпанных обложках. Библия, псалтырь, жития святых. Я листала их, и пальцы чувствовали тепло, будто книги хранили бабушкины прикосновения. Она читала мне вслух, когда я была маленькая. Я не всё понимала, но запоминала. Особенно про любовь.

На самом дне, под книгами, лежал конверт. Пожелтевший, запечатанный сургучом. На сургуче – отпечаток пальца. Бабушкин.

Я сломала печать. Внутри была бумажка, исписанная бабушкиным почерком. Буквы без гласных, как будто язык задыхается.

Лдпъ длгтрпт, млсрдствт, Лдпъ н звдт, Лдпъ н прзнст, н
грдтсѧ, н бсчнствт, н шт свг, н рздржтсѧ, н мслт зл, н рдтс
нпрвд, срдтс истн; вс пкрвт, всм врт, всг ндтс, вс прнст.
Лдпъ нккд н прстт...

Я смотрела и не понимала. Какая-то тарабарщина.

На обороте было написано: «1 Коринфянам 13:4—8».

Я знала эти цифры. Бабушка читала мне на ночь. Я думала, это просто сказка про любовь. А это оказалось важным. Настолько важным, что она спрятала это на дне сундука, запечатала сургучом и велела никому не показывать.

Я сунула бумажку в карман и забыла о ней на полгода.

— — Глава 6

Задание отца

Геенна, округ Гордыня, кабинет Правителя, четыре года назад

Отец вызвал меня в Гордыню.

Я не любил туда ездить. Слишком чисто, слишком светло, слишком много зеркал. В каждом отражении я видел себя и не узнавал. Кто этот человек в чёрной форме? Что он делает? Зачем он живёт?

Кабинет отца находился на самом верху башни «Корона». Стекланный лифт поднимался минут пять, и всё это время я смотрел на город сверху. Семь округов, как семь концентрических кругов ада. Самый центр – Гордыня, сияющая, неприступная. Дальше – Похоть, Алчность, Гнев, Зависть, Чревоугодие. И на самом краю, серое пятно под куполом – Уныние.

Там она.

Отец сидел за зеркальным столом. Рядом стоял поднос

с водой и лепестками роз – его пунктик. Он считал, что вода с лепестками очищает мысли. Я никогда не понимал этой привычки. Мне казалось, что мысли у него и так стерильны, как операционная.

– Дэниел, – сказал он, не оборачиваясь. – Ты хорошо работаешь в Гневе. Я доволен.

Я молчал. Похвала отца всегда была опасна. Если он хвалит, значит, скоро попросит что-то, что мне не понравится.

– Но мне нужна от тебя другая услуга.

– Какая?

Он повернулся. Холодные глаза, седые волосы, безупречный костюм. Ни одной морщины, ни одной эмоции. За всю жизнь я видел его улыбающимся дважды: когда родился я и когда умерла мать. Странно, что он улыбался, когда она умирала. Может, это была не улыбка, а гримаса. Я так и не понял.

– В Унынии активизировались старoverы. Те, кто хранит запрещённые тексты. Библия, псалмы, иконы. Нам нужно их найти и обезвредить.

– Это работа Гнева, – сказал я. – Моя работа.

– Твоя работа – делать то, что я скажу. Я хочу, чтобы ты лично занялся этим делом. Начни с архивов. Найди, у кого были родственники-староверы. Проследи связи. Доложишь мне.

Я кивнул. Архивы. Там она.

– И ещё, – добавил он. – Если найдёшь что-то интересное... тексты, шифры, ключи – принеси мне. Не в Гнев, не в отчёт. Лично мне.

– Что за ключи?

– Не твоего ума дело. Просто ищи. Староверы что-то прячут. Что-то важное. Я должен это получить.

Я вышел из кабинета и долго стоял в коридоре, глядя на своё отражение в зеркальной стене.

Что-то здесь было не так.

КНИГА ПЕРВАЯ: УНЫНИЕ

Часть первая: Серая лента дней

— — Глава 7

Первый поцелуй

Три с половиной года назад

Мы искали три месяца.

Обшарили все старые подвалы в Унынии. Находили ржавые трубы, скелеты крыс, старую мебель, однажды – клад с довоенными монетами. Но люка с кодом не было.

В тот вечер мы сидели у меня дома. Я заварила чай, он грел руки о кружку и молчал.

За окном смеркалось. В Унынии не бывает закатов – купол гасит краски, и день просто тускнеет, превращается в сумерки. Но в комнате было тепло, горела лампа, пахло мятой.

– Устал? – спросила я.

– Нет. Думаю.

– О чём?

Он поднял глаза. Зелёные, в свете лампы они казались золотыми.

– О тебе.

У меня перехватило дыхание.

– Что... что обо мне?

Он отставил кружку, взял мою руку. Пальцы тёплые, шершавые – от работы, от оружия, от всего, что он делал.

– Ты знаешь, Иванка. Ты всё знаешь.

Я молчала. Сердце колотилось так, что, наверное, было слышно во всём доме.

– Я не должен был в тебя влюбляться, – сказал он тихо. – Это опасно. Для тебя опасно.

– Почему?

– Мой отец... он Правитель. Если он узнает, что я встре-

чаюсь с девушкой из Уныния, он...

– Что?

– Он убьёт тебя. Или сделает так, что ты сама захочешь умереть.

Я посмотрела на наши сплетённые пальцы. Его рука была больше моей, с выступающими костяшками. Рука, которая держала оружие. Рука, которая могла убивать. А сейчас она дрожала.

– Ты боишься? – спросил он.

– Да, – сказала я честно. – Но без тебя мне всё равно умирать.

Он притянул меня и поцеловал.

Вкус чая с мятой. Тёплые губы. Руки в моих волосах.

Я закрыла глаза и подумала: «Пусть это длится вечно».

— — Глава 8

Тень отца

Три года назад

В ту ночь меня вызвали к отцу.

Я приехал в Гордыню, прошёл через все зеркальные коридоры, вошёл в кабинет. Он стоял у окна, смотрел на город.

– Дэниел, – сказал он, не оборачиваясь. – Ты стал редко появляться в Гневе.

– Я работаю по заданию. Ищу староверов.

– Ищешь? Или нашёл?

Я промолчал.

Он повернулся. Глаза холодные, как всегда.

– Мне докладывают, что ты часто бываешь в Унынии. В архиве. С девушкой.

У меня внутри всё оборвалось. Сердце на секунду остановилось, потом забилось часто-часто, как птица в клетке.

– Это часть работы, – сказал я как можно спокойнее. – Она помогает с документами.

– Помогает? – отец усмехнулся. – Или вы помогаете друг другу забыть, кто вы есть?

Я молчал.

– Я знаю о ней всё, Дэниел. Иванка, внучка Евдокии-староверки. Живёт одна, работает в архиве. Красивая, говорят.

– Отец...

– Молчи. Я не запрещаю тебе развлекаться. Ты молодой, здоровый. Но запомни: она не для тебя. Ты сын Правителя. Тебе нужна партия из Гордыни, из высшего круга. А эта – пыль. Ты понял?

– Понял, – сказал я сквозь зубы.

– И ещё. Если я узнаю, что ты серьёзно к ней относишься – я уберу её. Быстро и чисто. Чтобы ты даже не успел попрощаться.

Я вышел из кабинета и долго стоял в коридоре, глядя на своё отражение в зеркальной стене.

Что делать?

— — Глава 9

Последний день

Два с половиной года назад

Он пришёл ко мне вечером, сам не свой.

Молчал, пил чай, смотрел в стену. Я не выдержала:

– Дэниел, что случилось?

Он поднял глаза. В них была такая боль, что я испугалась.

– Отец знает о нас.

У меня сердце остановилось.

– И что?

– Он сказал... если я не прекращу, он убьёт тебя.

Я села рядом, взяла его за руку. Она была ледяной.

– Ты поэтому молчишь? Думаешь уйти?

Он не ответил.

– Дэниел, посмотри на меня. Я не боюсь твоего отца. Я боюсь потерять тебя.

– Ты не понимаешь, Иванка. Он не шутит. Он правда убьёт.

– Тогда мы сбежим.

– Куда? Из Геенны нельзя сбежать.

– Можно. Бабушкин шифр – это карта. Мы нашли люк. Там выход.

Он посмотрел на меня. Впервые за вечер – с надеждой.

– Ты правда так думаешь?

– Правда. Только пообещай мне одну вещь.

– Какую?

– Если станет совсем опасно – не уходи один. Возьми меня с собой. Или хотя бы предупреди. Но не исчезай молча.

Он кивнул и прижал меня к себе.

– Обещаю.

— — Глава 10

Утро без него

17-й день Лунного Возвышения, год 204-й

Я проснулась от холода.

Обычно он прижимался во сне, и я задыхалась от его веса, но было тепло. А сегодня – пустота. Простыня на его половине остыла давно. Значит, встал не сейчас. Значит, долго сидел и смотрел на меня перед уходом.

Я села, оглядела комнату. На столе – кружка. Его кружка, старая, с отбитой ручкой. Я всё хотела выбросить, а он не давал. «Она удобная», – говорил. В кружке – чай. Холодный уже. Он заварил перед уходом и не выпил. Просто налил и оставил.

На стуле – куртка. Я вскочила, подбежала, залезла в карман.

Записка. Одно слово.

«Прости».

Я выбежала в коридор, на лестницу, на улицу. Никого. Только серые люди, серые стены, серое небо.

– Дэниел! – закричала я. – Дэниел!!!

Он не отозвался.

Я вернулась в комнату, села на пол и просидела так до вечера. Соседи ходили за стеной, сверху кто-то ругался, внизу плакал ребёнок. Город жил своей серой жизнью. А у меня внутри всё умерло.

Потом встала, подошла к столу, взяла его кружку. Поднесла к лицу. Пахло чаем. Пахло им.

– Ты обещал, – шепнула я. – Ты обещал не уходить.

Кружка молчала.

Я достала бабушкин шифр, развернула, прочитала вслух:

– Любовь никогда не перестаёт.

И заплакала.

— — Глава 11

Первое письмо

18-й день Лунного Возвышения, ночь

Я написал ей сегодня.

Долго думал, что сказать. В голове тысячи слов, а на бумаге – всего несколько строк.

«Иванка, я жив. Я рядом. Я слежу за тобой из окна напротив. Прости, что ушёл. Прости, что не могу подойти. Если я подойду – отец убьёт тебя. Я не могу этого допустить. Я люблю тебя. Жди. Я что-нибудь придумаю. Твой Дэниел».

Завтра брошу в ящик.

— — Глава 12

Второе письмо

19-й день Лунного Возвышения

Утром в ящике было письмо.

Я узнала почерк сразу. Корявые буквы, кривые строчки. Я прижала листок к груди и заплакала.

Он жив. Он рядом. Он следит.

Я подошла к окну и посмотрела на дом напротив. Серое здание, много окон. В каком из них он?

– Дэниел, – шепнула я. – Я тебя найду. Или ты найдёшь меня. Мы обязательно встретимся.

Я спрятала письмо под подушку, рядом с бабушкиным шифром и ключом от нашей комнаты.

Теперь у меня было два сокровища.

— — Глава 13

Встреча с отцом

19-й день Лунного Возвышения, день

Я решила идти к его отцу.

Да, это безумие. Да, он предупреждал. Но я должна была увидеть этого человека своими глазами. Понять, чего мы боимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.